

нутри событий, по их горячим следам, не сглаженный идеологической корректурой последующих десятилетий (последнее переиздание — 1933) воспринимается, со всей своей открытой тенденциозностью, как примечательный документ времени.

Послевоенные произведения У. связаны преимущественно с т. н. рабочей темой, усиленно культивировавшейся и поощрявшейся в течение ряда десятилетий. Писателю не откажешь в умении «войти в тему», в знании производства: недаром долгие годы У. поддерживал творческие связи с одним из своеобразнейших ленинградских предприятий — заводом «Русский дизель». Вместе с тем он неукоснительно следует диктуемым свыше канонам: непрменный показ руководящей роли партии («прошу призвать его к ответу по партийной линии»), борьбу нового со старым (тракуемой подчас как «борьба отличного с хорошим»). Мн. страницам произведений У. свойственна газетная беглость («после цехового собрания во втором механосборочном началась борьба с бракоделами»), риторика, определенная заданность характеров и конфликтов. Следует также иметь в виду, что для У. было характерно многократное возвращение к уже написанным и опубликованным вещам, правка и переделка их. Еще в предисл. к очередному переизданию романа «Двадцатый век» он предупреждал читателей, что книга серьезно переработана, написано 7 новых глав, и по существу, издание следует считать не четвертым, а... первым. Роман «После войны» (Л., 1954) в дальнейшем превратился в «Ленинградскую повесть», причем 2 изд. последней (Л., 1957 и 1965) существенно отличались друг от друга: если в первом варианте действие охватывало лишь полтора года жизни послевоенного Ленинграда, то во втором — целых 13 лет. Еще одна ред. того же произведения, под названием «Здравствуй, Ленинград!» стала 1-й книгой романа «Солнце над Невой» (Л., 1985). Сменились имена некоторых героев, появились дополнительные исторические экскурсы (например, о деятельности братьев Нобелей в России), но основные сюжетные линии и центральный конфликт остались прежними: борьба передового инженера, потомка нескольких поколений питерских пролетариев, недавнего фронтового разведчика Евгения Малова с консерваторами на производстве. Впрочем, одержав наконец победу над авторитарным директором, Малов решительно возражает против придания их столкновению политической оценки: в этом при желании

можно усмотреть приметку нового в жизни страны. Вместе с тем, на первых страницах диалоги, в ее своеобразном прологе, действие которого отнесено к тридцатым годам, возникает написанный в сдержанно-положительных тонах образ И. В. Сталина как одного из организаторов и вдохновителей дизельного машиностроения в СССР.

2-й книгой «Солнца над Невой» стал роман «Голодная степь», также опубликованный ранее отдельно (Л., 1977) и получивший поощрительную премию ВЦСПС и СП СССР за лучшее произведение о рабочем классе. На страницах этого произведения специалисты «Русского дизеля» внедряют свои разработки на строительстве хлопкоперерабатывающего завода в Узбекистане, возникает тема дружбы народов СССР и новые исторические экскурсы, на этот раз в прошлое Средней Азии. Завершается роман торжественным пуском предприятия в канун Октябрьской годовщины, один из героев — армянин Теватрос Гулян — произносит речь: «С наступающим праздником вас! Завтра исполнится тридцать семь лет, как свершилась Октябрьская революция, подарившая нам Советскую власть. Только при Советской власти простой человек стал хозяином своей судьбы и своей страны...»

Типологически послевоенные произведения У. представляют собою в наиболее «чистом», усредненном виде жанр советского «производственного» романа — тем в основном и интересны.

Соч.: Двадцатый век: роман. Кн. 1. Л., 1930, и др. изд.; То же. Кн. 1 М., 1933; Сестры: повесть. М.; Л., 1930. Свобода в плену // Распяты (Писатели — жертвы политических репрессий) / авт.-сост. Захар Дичаров. Вып. 4: От имени живых... СПб., 1998. С. 194–232.

Лит.: Уксусов Иван Ильич // Писатели Ленинграда: библиографический справочник. 1934–1981. Л., 1982. С. 307; Уксусов Иван Ильич // Ленинградские писатели-фронтовики. 1941–1945. Л., 1985. С. 371.

И. О. Фояков

УЛИЦКАЯ Людмила Евгеньевна [21.2.1943, г. Давлеканово Башкирской АССР] — прозаик.

Родилась в семье биохимика и сельхозинженера. Детство провела в Москве; проживая в коммунальной квартире среди соседей-интеллигентов, получила глубокие познания об этой социальной прослойке. Именно здесь исследователи видят истоки особого взгляда У. на человеческую личность: писательница не декларирует ценность человеческой индивидуальности, однако, и не является побор-

ницей коллективизма, считая необходимым «установить общие законы, вывести единый ритм хаотически пульсирующих движений этого разношерстного человеческого муравейника» (Е. Рыбакова // Столичные новости. 2002. № 25(221). 9–25 июня). Круг чтения У. в детстве был своеобразен. Сервантеса она прочла, едва научившись читать. Первый автор, который произвел на нее неизгладимое впечатление, был О'Генри. Следующее открытие — серенькая книжечка 1934-го года, изданная в изд-ве ОГИЗ. Называлась «Сестра моя жизнь». Как описывает У. в одном из интервью, «у меня осталось ощущение, что Пастернак — лично мною открытый поэт. Следом пошла книжка „Детство Люверс“, которая была очень трудна для 13-летней девочки, но тем не менее осталась... Еще одна книжка с задов той же библиотеки — „Декамерон“, припрятанный, как и Пастернак, от детей» (Интервью с У. <http://www.litwomen.ru/autogr.html>). В 1967 после окончания МГУ по специальности «генетика» У. поступила в Ин-т общей генетики, по распределению попала в лабораторию Инге-Вечтомова: эта кафедра генетики считалась тогда главной и лучшей в стране. Но через 2 года лаборатория была ликвидирована. «С естественным у меня был „брак по любви“, а не по расчету, — вспоминает писательница. — Но... не сложилось. От брака реального родились дети, с которыми я просидела дома почти девять лет. Так что с наукой роман закончился. Она отвернулась

Л. Е. Улицкая

от меня, я — от нее. Когда после большого перерыва пришла пора вновь выходить на работу, я стала подумывать о том, чтобы, как мама, пойти в биохимическую лабораторию, делать анализы. Но жизнь повела в другую сторону» (Интервью с У. <http://www.litwomen.ru/autogr.html>). После ухода из науч. лаборатории и развода с первым мужем У. пришла в театр, куда пригласил ее новый супруг Юрий Шерлинг. Занималась драматургией, киносценариями. В настоящее время пишет прозу. Произведения У. переведены более чем на 15 яз. В своих эстетических пристрастиях всегда отличалась идеологической неангажированностью и отсутствием навязчивой моралистики. Среди ее лит. ориентиров называют Набокова, Цветаеву, Платонову, Бунина. Лит. деятельность началась с печатания рассказов в «толстых» журналах. Заметной была публикация рассказа «**Бронька**» в ж. «Огонек» за 1989. Признание пришло после публикации повести «**Сонечка**» в «Новом мире» (1992. № 7), за которую в 1993 была номинирована на премию Букера. «Мысль семейная», прозвучавшая в период бурных политических страстей и публицистического накала в лит-ре, стала откровением. Мир Сонечки заполнен мужем-художником, дочерью Таней, их заботами, но помимо этого — еще и удивительным проникновенным книжным знанием. «Она возвращала читателя к исконно русскому пониманию духовности, глубина и содержание которой определялись прежде всего Словом, Литературой и Искусством» (Мущенко Е. Г. — С. 794). Образ этой героини сочетает в себе черты ее знаковых для русской лит-ры тезок. Сонечка не просто находит в себе силы принять в круг семьи молодую избранницу своего мужа, но и благодарит судьбу за то, что любимый ею человек может скрасить свои дни рядом с таким юным красивым созданием, как Яся. После смерти супруга Сонечка почитает Ясю как дочь, а для той становится самым дорогим человеком. В данном произведении У. делает шаг в сторону традиции Н. Г. Чернышевского с его теорией новых людей и новых форм семейных взаимоотношений. Высшая степень самоотдачи героини роднит героиню У. и с Сонечкой Мармеладовой. Характерно, что это имя стало часто использоваться в русской лит-ре конца XX в. для наименования героинь с жертвенным началом (например, «Соня» Т. Толстой.). Такое почти навязчивое напоминание первоисточника прозвучало как лозунг, призыв к своему современнику обратить внимание на исчезающее качество русского человека. Семейные

перипетии — всегда в центре сюжетов У. «Фирменный жанр автора — не отдельный рассказ, а цикл рассказов, обеспечивающий миру У. достаточную полноту и тесноту; шумный коммунальный улей этой прозы, с многократно одолженными друг у друга сюжетами, салатницами и рецептами, идеально укладывается в равномерно нарезанное тонкими перегородками зачинов и концовок прессованное пространство цикла» (Е. Рыбакова).

Сб. **«Бедные родственники»** (1994) — первая книга У., изданная в России. В фабульной канве каждой новеллы этой книги — жизнь «маленького человека» (рассказы **«Бедная счастливая Колыванова»**, **«Бронька»**, **«Второго марта того года»**, **«Счастливые»**). В своей униженности, заброшенности (в прозе У. существует особая категория сиротства — изгой-приемыш), обделенности как высшую ценность герой несет просветленный и трепетный настрой души, позволяющий в бедности и болезни ощущать себя причастным к тому вечностному плану существования, который не зависит от положения в обществе и материального достатка. Исследователи склонны определять тип героя У. как «единое вечно колышущееся народное тело, разбухающее, как тесто, и стремящееся заполнить собой все щели, все трещинки текстового пространства», отмечая при этом «эпический размах прозы Улицкой, не знающей, подобно гомеровским поэмам, персонажей главных и второстепенных, деталей существенных и декоративных...» (Е. Рыбакова). Писательнице интересен случай в жизни человека, игра природы. Этому подчинен и выбор героев У. Ее любимые персонажи — врачи, акробаты, художники, имеют в «некотором смысле почти тождественные» профессии, те, которые сталкивает их с причудливым выбором природы, риском, случайностью, «кто собственными или чужими телами творит непостижимую графику мира...» (Е. Рыбакова).

В 1996 У. публикует семейную сагу **«Медея и ее дети»**. Через историю одной семьи показан весь XX век с его глобальными катаклизмами. Главный тезис романа — семья как высшая человеческая ценность. Сразу после «Медеи» была написана американская история — **«Веселые похороны»**. «Медея и ее дети», как и «Сонечка», были в шорт-листе Букера. Но только в 2001 У. получает эту награду за роман **«Казус Кукоцкого»** — еще одну семейную сагу, действие которой, начавшись в советской России в 1920-е, заканчивается на рубеже нового тысячелетия. Роман «Казус Кукоцкого» (2001) продолжает традицию семейного эпоса, разрабатываемую

в предыдущих произведениях. Сюжетное время романа, как и в большинстве др. произведений У., отнесены к началу 1950-х, времени, на которое пришлось детство автора. Приметы заката эпохи сталинизма проступают и в мелких бытовых подробностях, и в описаниях общественной деятельности главного героя. Новым для У. является заглавный герой романа. Для У. характерен определенный перекося образной системы в «женскую» сторону. Мужчины на страницах ее произведений либо не присутствуют вовсе (**«Ветряная оспа»**, **«Дар нерукотворный»**) либо, как в рассказе «Бронька», любимый мужчина главной героини появляется только в воспоминаниях двух женщин. Др. мужчины несколько «однобоки»: Казиев (**«Лялин дом»**) и Бубнов («Медея и ее дети») представляют из себя «великолепных зверей» без каких-либо признаков души и сердца; Алик (**«Веселые похороны»**) — воплощение другой крайности, жизни души, почти уже бестелесной. Алик является центром мира повести, вокруг него живут женщины, и только они еще поддерживают жизнь в угасающем художнике.

Павел Алексеевич Кукоцкий — персонаж полноценный во всех смыслах, деятельный и яркий, ось, вокруг которой вращаются многие миры. Без преувеличения, Кукоцкий — первый в произведениях У. мужской образ. Роман отличает использование различных планов повествования — события излагает как автор-повествователь, так и дневник Елены Кукоцкой, одной из героинь. Кроме того, имеется линия-видение, сон либо галлюцинация Елены. То, что рассказчицей здесь выступает не сама Елена, а объективный повествователь, приближает эту линию к фантастической. Внутри каждого из обозначенных планов широко используется несобственно прямая речь, помогающая проникнуть в сознание персонажей. В романе прослеживается судьба семьи Кукоцких на протяжении нескольких поколений, прекратившей свое существование со смертью последнего ее представителя — доктора Кукоцкого. Судьба всех Кукоцких трагична. Уход семьи сопровождается изощренными по своей необычности несчастьями — Елена постепенно теряет рассудок, утрачивая день ото дня память; ее беременная дочь Таня, столь любимая приемным отцом — доктором Кукоцким, умирает от случайного заражения лептоспирозом через питьевую воду; даже старой домработнице достается редкое женское увечье как невольный укор своему хозяину — известнейшему гинекологу. Старшая дочь Тани, внучка Елены, ни про-

фессионально, ни территориально не является наследницей дела Кукоцких, потомственных врачей. И как горестная последняя усмешка автора звучат слова из уст воспитанницы Кукоцких — хитрой и глупой Томи, ставшей хозяйкой в родовой квартире, — что она является наследницей «дела Сан Саныча».

Очередной сб. У. уже самим заглавием обозначает эмоционально-нравственную доминанту ее худож. мира — «**Бедные, злые, любимые**» (2002). Как и все творчество У., книгу отличает редкая в настоящее время жалость автора к своим героям, «неотстраненность» его от происходящего, полное отсутствие высокомерной созерцательной иронии, неповторимый синтез горечи и любви. Вся проза У. представляет единую картину мира. Здесь размыты границы между окраиной и центром, между психическим отклонением и нормой, молодостью и старостью, уродством и красотой. Жизнь большого государства интересна лишь в той мере, в какой она влияет на частную жизнь отдельного человека. Время в этом мире упряднено, несмотря на то, что хронологические рамки всегда обозначены, но оно как бы съедается текучестью человеческой жизни, переливающейся из одного героя в другого.

Недавно вышедший роман «**Искренне Ваш, Шурик**» (2004) вновь предлагает читателю семейную сагу, в центре которой — молодой мужчина, воспитанный женщинами. Писательница все дальше идет по пути утверждения феминистской картины мира, создавая образ безвольного Шурика, всем обязанного женщинам своей семьи и всецело от них зависящего.

Соч.: Бронька // Огонек. 1989. № 52. С. 2–23; За капустой // Крестьянка. № 2. С. 32–33; Счастливый случай. Бумажная победа // Крестьянка. 1990. № 3; Народ избранный // Континет 65. 1990; Сонечка // Новый мир. 1992. № 7; Дочь Бухары // Огонек. 1992. № 2; Второго марта того года // Русская мысль. 1991. 28 июля – 9 авг.; Путешествие в седьмую сторону света // Новый мир. 2000. № 8–9; Медя и ее дети. М., 2002; Казус Кукоцкого. М., 2002; Бедные, злые, любимые. М., 2002; Искренне Ваш, Шурик. М., 2004.

Лит.: Мущенко Е. Г. Улицкая Л. // Русская лит-ра XX века. Воронеж, 1999; Рыбакова Е. Путешествие в сторону света. Коммунальный мир Людмилы Улицкой // Столичные новости. 9–25 июня. 2002. № 25(221); Джакванта А. В сенях смерти: Лимб у Людмилы Улицкой // XX век и русская лит-ра. М., 2002; Чалмаев В. А. Русская проза 1980–2000. На перекрестке мнений и споров // Лит-ра в школе. 2002. № 4. С. 18–23; Шигарева Ю. Принцип Улицкой: без трупов и уныния // Аргументы и Факты. 2003. № 10.

Е. И. Колесникова

Н. И. Ульянов

УЛЬЯНОВ Николай Иванович (псевдонимы Н. Шварц, Элеонский) [23.12.1904(5.1.1905), Петербург — 7.3.1985, Нью-Хэйвен, США; похоронен на старинном кладбище Иельского ун-та] — прозаик, эссеист, лит. критик.

Из небогатой семьи. После окончания гимназии (1922) поступил на историко-филол. ф-т Петроградского ун-та, который окончил в 1927. В студенческие годы увлекался музыкой и театром, мечтал стать режиссером. Работа У. «**Влияние иностранного капитала на колонизацию русского Севера в XVI–XVII вв.**» (1927) обратила внимание академика С. Ф. Платонова, который оставил его на кафедре для подготовки к науч. деятельности. В 1927–30 У. учился в Москве при Ин-те истории РАНИОН под руководством С. В. Бахрушина и А. Е. Преснякова, одновременно занимался в семинаре М. Н. Покровского по русской историографии. В годы аспирантуры У. написал 3 науч. труда: «**Торговая книга конца XVI в.**», «**Колонизация Мурмана в XVII в.**» (Исторический сб. 1934), «**Общественно-экономические воззрения Б. Н. Чичерина**», составил обзор архивных материалов по истории Кольского п-ва (Кольский сб. 1930), выпустил популярный очерк «**Разинщина**» (1931) о С. Разине. В 1930 У. был командирован лектором в Архангельский педагогический ин-т, в котором работал до 1933. Там написал книгу «**Очерки по истории комизырян**» (издана в 1932), за которую ему была присуждена ученая степень канд. исторических наук. С 1933 по 1936 У. состо-